

УЛАНОВА УЧИТ БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ

БАЛЕТ

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, народная артистка СССР Галина Сергеевна Уланова в 1928 году после окончания Ленинградского хореографического училища начала свой артистический путь на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, в 1944 году стала солисткой Большого театра СССР, а сейчас передает свои знания и бесценный опыт новым поколениям артистов.

В числе учеников Галины Улановой можно назвать всемирно известных Екатерину Максимову, Нину Тимофееву, Людмилу Семеняку, Владимира Васильева. Она несет талант и одной из ведущих ныне артисток Большого театра Светланы Адырхаевой. К ней постоянно приезжает на репетиции из Душанбе популярная таджикская танцовщица Малика Сабурова.

— Я часто до сих пор вижу сны, — рассказывает Галина Сергеевна, — в которых что-нибудь танцую... Но это, очевидно, естественно для человека, вся жизнь которого в балете. И вот, репетируя с молодыми, делаю как будто бы то, чего не сделала сама. Я смотрю каждый спектакль, который они танцуют. Конечно, как педагог многое замечаю — и что неладно, и что хорошо. Но порой увлекаюсь, смотрю как зритель. Это бывает, когда появляется нечто главное в исполнении, нечто индивидуальное, что притягивает, и уже не важны отдельные движения. Это большое счастье. В этом смысл нашего искусства, как я его понимаю...

Уланова и балет — эти понятия неразделимы. Как же угадалось призвание?

— Девочки в детстве часто мечтают стать балеринами, — говорит она. — Я не могу сказать, чтобы я безумно хотела танцевать. Мои родители были артистами балета. Меня маленькую не с кем было оставить дома, и они брали меня на свои выступления. Я видела все трудности профессии. И не слишком радовалась, когда меня отдали в балетную школу. Просилась обратно домой... Но родители мне привили чувство долга. Трудно полюбить то, что трудно. А трудно было всегда. Всегда болели ноги, всегда что-то не выходило. То есть не было удовольствия. Выпускной спектакль «Шопениана» — это было страшно! Танцевала с подвернутой ногой, на которую был надет резиновый чулок. Но раз я окончила балетную школу, я должна упорно работать. Так мы были воспитаны. Так оно и полюбилось постепенно, балетное искусство, но полюбилось через боль...

И обрела вдохновенную свою музыку... «Обыкновенной богиней» назвал ее писатель Алексей Толстой...

«Свой образ Улановой, как свой Достоевский, свой Толстой, есть у каждого человека, — говорит Людмила Семеняка.

— У меня тоже свой образ Улановой. Он сопровождает меня с детства... В училище на меня «смотрели» фотографии великой балерины. Они «учили» меня тоже. Мы, ее ученицы, далекое отражение того, какой была она. И все-таки в каждого из нас переходит хоть малая частица ее мыслей, чувств, вдохновения, потому что она с огромной щедростью передает это нам, как когда-то дарила зрителям свое искусство. Уланову можно постигать бесконечно. Я верю каждому ее слову, жесту, взгляду. И когда думаю о ее творчестве, начинаю понимать, что такое непреходящее — в преходящем. Какая это вершина мастерства, если время над ним бессильно!

В 1951 году первый раз «звезда» советского балета выступала за рубежом — во Флоренции. В 1956 году состоялись гастроли в Англии. Тогда впервые на Западе увидели всю балетную труппу Большого театра во главе с ее примой и безоговорочно признали торжество советского искусства. «Большим балетом» была названа труппа, «первой балериной планеты» признана Уланова.

С ее искусством познакомилась также зрители Франции, США, Финляндии, Австрии, ГДР, Венгрии... Уланова первой из советских балерин показала миру русскую Жизель и русскую Джульетту, открыв невиданные глубины этих классических образов. И мир отождествлялся восхищенно множеством газетных и журнальных статей, монографий. Будоражились умы, замирали сердца, гремели аплодисменты. В рассказе самой Улановой их нет совсем.

— Я помню, что в мой первый год в театре известный уже в те времена балетмейстер Федор Лопухов говорил обо мне: «Ничего, пусть падает!». Он видел, что на репетициях я как-то еще справляюсь, а выхожу на сцену — страшное волнение... одно движение не выхожу, другое не выходит, с третьим падаю. Испуганное лицо, безумный страх... Тогда мало было у нас солистов. И молодежь буквально «бросали» на спектакли. В первый же свой сезон я танцевала «Лебединое озеро». Не будь такое время, я, быть может, и не вышла бы в балерины. Но, конечно, одну и ту же партию по-разному представляешь в молодости и зрелости. Поначалу я была счастлива, что бы мне ни поручали. Я работала, а любая работа все равно приносит результаты. Мне всегда надо было сначала выучить партию чисто танцевально, познать «свой язык», а потом уж размышлять. Очевидно, была я или менее сообразительной, или менее хваткой... Волновалась на спектакле всегда. Не волноваться — нельзя! Бывало, когда на сцене вообще забывала себя. Это, конечно, счастье. Но такое случалось крайне редко. Обычно не получалось так, чтобы, возвратившись домой, могла сказать: вот как будто у меня все вышло. Потом уже подсознательно вдруг всплывало: ах, тут нужно было сделать не так, а там надо было сделать то-то... Значит, в следующий раз нужно исправить, доделать... И так без конца.

— Есть ли у вас свой педагогический метод?

— Метода как такового, специального, нет. Интуитивно находишь что-то в зависимости от того, с кем репетируешь. У каждой ученицы свои природные данные, свой темперамент, свои способности. Я стараюсь их понять и помочь им понять самих себя.

Мне предлагали вести «класс», как мы говорим, то есть уроки классического танца. И хотя я сама была очень педантична в этом, но сейчас мне скучновато лишь следить, правильно или неправильно то или иное движение.

А репетиции — это творческая работа. Конечно, мы много занимаемся танцевальной стороной партий — без техники ни о каком образе и говорить не приходится. Но мы много и обсуждаем, советуемся. В беседах этих рождаются истины, придумываются новые мотивы роли, новые штрихи. Но... их надо выразить танцем. Как? Я немножко подсказываю, но стараюсь не раскрывать мысли полностью, иначе образ невольно скопируется. А ученица совсем не похожа на меня. Ей нужно найти свое, важно, чтобы она думала, искала. Приходится как-то балансировать, направлять, но и давать актрисе творческий простор. Характер у каждой свой — одна очень увлекается, другой все быстро надоедает, одна трудолюбива, другая не прочь полениться... И это учитываешь. Когда готовим партии в старых спектаклях, которые и я сама танцевала, мне интересно, какие тут возможные непривычные, своеобразные повороты. А когда новые постановки, то я думаю: как бы я это сделала, а что для ученицы более близко? Если уж говорить о методе, то для каждой балерины, с которой я занимаюсь, нужен свой, индивидуальный метод.

«Уланова знает о танце все. И как танцевать, и как готовиться к танцу. Знает все о нас, своих воспитанниках, — рассказывает народная артистка СССР Екатерина Максимова. — Помню, когда я начала только думать о Жизели, Галина Сергеевна посоветовала мне перечитать Тургенева — «Ася», «Вешние воды». Книжки, музыка, живопись — все привлекается для работы над образом. И возникают ассоциации, и появляются новые догадки уже о балетной партии. Уланова говорит: «Нужно иметь внутри себя заветную «шкатулочку» и опускать в нее все впечатления жизни, природы, искусства».

Галина Уланова открыла в каждой своей ученице яркую и неповторимую индивидуальность. Они танцуют разные партии: в «Спартаке» Екатерина Максимова предстает трепетно-нежной Фригией, а Светлана Адырхаева — властной, коварной Эгиной. В «Легенде о любви» трагической мощи образ Мехменэ Бану создает Нина Тимофеева, светом чистой поэзии озаренную Ширин — Людмила Семеняка. Но есть партии, которые танцуют все улановские воспитанницы. Тогда особенно поражает их непохожесть. Например, Китри в «Дон-Кихоте»: лукавая женственность, изящное озорство — у Максимовой, романтический порыв страстной натуры — у Тимофеевой, веселая, юная радость жизни — у Семеняки.

«Уроки улановской школы. Они множественны, — говорит Нина Тимофеева. — Когда Уланова входит в репетиционный зал, мне кажется, в нем становится светлее. При ней невольно исчезает все мелкое. У нее какая-то своя очищающая миссия в искусстве. Она возвышала людей своим появлением, своей жизнью на сцене, а сейчас она делает лучше всех тех, с кем общается, с кем работает. Ее нельзя назвать только педагогом, репетитором. Она не роли с нами «делает», она учит быть художником. Учит жить, думать, любить, прощать... Она открывает нам другое видение мира. И учит нести все это в творчество, в образы, которые создаешь на сцене».

С. ДАВЛЕКАМОВА.

АПН